

Жилин Владимир Ильич

"ПРОТИВ МЕТОДА" П. ФЕЙЕРАБЕНДА КАК ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ - "ВОЗМОЖНО ВСЁ"

В статье представлен несколько иной для российского читателя взгляд на работу П. Фейерабенда "Против метода". Автор отходит от традиционных упреков в адрес П. Фейерабенда по поводу гносеологического анархизма и актуализирует другую интерпретацию "всевозможности", связанную с набирающим силу дилетантизмом под знамёнами "ревизии основ" и "междисциплинарности" постнеклассической науки.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/3-1/11.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3-х ч. Ч. I. С. 40-44. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 165

В статье представлен несколько иной для российского читателя взгляд на работу П. Фейерабенда «Против метода». Автор отходит от традиционных упреков в адрес П. Фейерабенда по поводу гносеологического анархизма и актуализирует другую интерпретацию «всевозможности», связанную с набирающим силу дилетантизмом под знамёнами «ревизии основ» и «междисциплинарности» постнеклассической науки.

Ключевые слова и фразы: постмодернизм; гносеологический релятивизм; методология.

Владимир Ильич Жилин, к. пед. н., доцент

Омский государственный педагогический университет, филиал в г. Таре

ZhilinVI@yandex.ru

«ПРОТИВ МЕТОДА» П. ФЕЙЕРАБЕНДА КАК ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ - «ВОЗМОЖНО ВСЁ»[©]

Постмодернизм! Постмодернизм... Постмодернизм?. «Абсолютной истины не существует!» - главный лозунг постмодернистов. Возродившись в гуманитарном познании (о проблеме истоков и хронологии постмодернизма см. Е. А. Богатырева) [2] и получив поддержку со стороны сциентически ориентированных философов, постмодернизм, по выражению Д. Деннета [4], стал, как безвредный вирус, в форме самореплицирующейся вредной идеи распространяться по миру.

С точки зрения постмодернистов все попытки научного познания мира социально обусловлены, а значит, в той или иной мере искажены социокультурными предпосылками. Возникнув как эмоциональное и интеллектуальное сопротивление модернизму, базирующемуся на идеологии сциентизма и технического прогресса, постмодернизм попытался и пытается ниспровергнуть заслуги науки перед обществом. С точки зрения сторонников постмодернизма наука представляет собой просто очередное повествование, нарратив, а о пресловутой объективности они думают только как об интерсубъективности.

Р. Рорти, выражая эмоциональное отношение «постмодернистских релятивистов» к возможности научного познания объективной истины, заявляет: «Короче говоря, современная наука дала нам понять, что если нам нужна метафизика, то единственно возможной оказывается метафизика материалистическая. Но из самой науки как таковой вовсе не следует, что нам вообще нужна какая-либо метафизика. Потребность в метафизике сохранялась до тех пор, пока сохранялась надежда обрести искупительную истину. Но к тому времени, когда материализм восторжествовал над идеализмом, эта надежда увяла. Поэтому реакция большинства современных интеллектуалов на победные реляции о новых научных открытиях сводится к вялому вопросу: “Ну и что?”» [10, с. 39].

По мнению Г. С. Кнабе [6], отвергая естественно-научные идеалы познания, постмодернисты отвергают и такие «репрессивные» с их точки зрения начала, как логика, логически функционирующий разум и основанное на них понятие истины.

А. Никифоров в предисловии переводчика к «Очерку анархистской теории познания» П. Фейерабенда утверждает, что именно после выхода в свет этой книги «началось победное шествие постмодернизма, провозгласившего полный релятивизм и равноправие всех когнитивных практик - науки, религии, магии и т.п.» [11, с. 13].

Попробуем вчитаться и мы. Не вдаваясь в методологию самого П. Фейерабенда, рассмотрим его предложения по улучшению эпистемологической обстановки, которые можно свести к нескольким, связанным между собой, основополагающим тезисам.

Тезис первый (который не предполагает и не требует изменения научной методологии): кроме науки в обществе существуют и другие традиции, не менее значимые для человечества, такие как религия, мифология и пр. Нет возражений. Такие традиции существуют, но когда-то у них уже была возможность доминировать в духовной практике человечества, и они скомпрометировали себя. Появившийся новый способ познания мира в трудах Н. Коперника, И. Кеплера, Г. Галилея, Ф. Бэкона, Р. Декарта вывел человечество на новый уровень существования. Такая маленькая заслуга перед обществом, которая принадлежит именно научному способу познания мира, как средняя продолжительность жизни, увеличившаяся за это время в 2-2,5 раза, говорит о многом. Мифологии и религии, которые существовали задолго до собственно научного способа познания мира, такие горизонты были недоступны!

Тезис второй: допустимо всё! Пафос этого лозунга имеет различные интерпретации. Традиционно его трактовали как призыв к гносеологическому релятивизму, что уже содержится в первом тезисе, и далее, углубляя «вину» Фейерабенда, говорили о методологической вольности и анархии. Признавая обоснованность и необходимость философского плюрализма в качестве основы представлений о множественности независимых и несводимых друг к другу начал, что, в свою очередь, может быть выражено и в многообразии гносеологических подходов (что также вполне оправдано и обосновано), определяющих своеобразие методологий и соответствующих картин мира (естественно-научных, социально-гуманитарных, религиозных, эзотерических и пр.), следует, вместе с тем, признать несостоятельным гносеологический релятивизм внутри частно-научного (например, естественно-научного или социально-гуманитарного) способа познания мира (переходящим в конкретику предмета и трансформировавшимся, в этой связи, в методологический релятивизм),

который обусловлен либо интеллектуальной нечестностью и моральной безответственностью, либо дилетантизмом и безграмотностью. Думаю, что П. Фейерабенд своим «возможно всё» не призывал к методологическому релятивизму. В этой связи и рассмотрим воплощение этого лозунга в области научной методологии.

Прежде всего следует обратить внимание на то обстоятельство, что П. Фейерабенд сознательно сужает арсенал научной методологии, отождествляя её с рационализмом. «Я должен был нападать на рационалистическую позицию» [Там же, с. 17] - поясняет П. Фейерабенд полемический стиль своего произведения. При этом автор настаивает, что «идея жёсткого метода или жёсткой теории рациональности покоится на слишком наивном представлении о человеке и его социальном окружении» [Там же, с. 47]. Он протестует и против принципов критического рационализма, таких как «относиться к фальсификациям серьёзно», «требовать роста содержания», «избегать гипотез *ad hoc*», «быть честным, что бы это ни означало». Он протестует против абсолютизации принципов логического эмпиризма, таких как «быть точным», «основывать наши теории на измерениях», «избегать неопределённых и неустойчивых идей» и пр. В результате П. Фейерабенд приводит аргументы против «сухого», формального рационализма из арсенала «живой» методологии науки и всё так же сознательно делает вид, что тем самым демонстрирует методологическую ограниченность всей науки. Его кумир в области методологии науки Г. Галилей, так как именно он «нарушает правила научного метода, изобретённые Аристотелем, усовершенствованные Гроссетесте (наряду с другими) и канонизированные логическими позитивистами (такими как Карнап и Поппер); Галилей добивается успеха потому, что не следует этим правилам» [Там же, с. 121]. При этом, однако, П. Фейерабенд не говорит ни единого слова в защиту алогизма.

С точки зрения «здорового анархизма» Фейерабенда для успешного развития науки требуется употребление «контрправил», которые «противостоят некоторым известным правилам научной деятельности» [Там же, с. 48]. В качестве одного из правил такого рода он предлагает контриндукцию, посредством введения в оборот и разработки гипотез, которые несовместимы с хорошо обоснованными теориями или фактами. Есть ли в этом приёме нечто новое, неизвестное для науки? И здесь мы в очередной раз обнаруживаем авторский подход, идеологию, из которых исходит Фейерабенд - сам выдумывает некое, якобы общеизвестное, требование научной методологии и потом сам же его успешно опровергает примерами из науки. Так, по его утверждению, в науке якобы существует требование, согласно которому новые гипотезы должны быть совместимы со старыми теориями. Но из истории науки хорошо известны гипотезы, которые изначально не были совместимы со старыми теориями. Можно привести не один пример из физики, демонстрирующий использование гипотез такого рода.

Следует заметить, что П. Фейерабенд, заявляя «возможно всё» и призывая тем самым к расширению методологических средств, не только сознательно сужает арсенал научной методологии, отождествляя её с рафинированным рационализмом, но ещё и ограничивает действие своего лозунга периодом стагнации старой теории и методологии и появлением ростков новой методологии. При этом оценивать результат, по мнению П. Фейерабенда, необходимо трезво, следуя чётким канонам рациональности: «Разум допускает, что идеи, вводимые нами для расширения и улучшения нашего познания, могут возникать самыми разными путями и что источник отдельной точки зрения может зависеть от классовых предрассудков, страстей, личных склонностей, вопросов стиля и даже от явной и простой ошибки. Однако он требует также, чтобы в оценке этих идей мы следовали определённым чётким правилам: наша оценка идей не должна быть заражена иррациональными элементами» [Там же, с. 155]. На самом деле, если вспомнить известный пример из школьной логики на уроках физики: все металлы электропроводны; медь - металл; следовательно ... Что же следует из этого? Неужели, что кошка - это рыба?! Нет, П. Фейерабенд не отменяет логику. Её нельзя отменить. И если в научной эпистемологии встречаются надлогические явления, это вовсе не означает крах и бессилие логики.

По мнению П. Фейерабенда, история науки должна стать неотъемлемой частью самой науки: «История важна как для дальнейшего развития науки, так и для придания содержания тем теориям, которые наука включает в себя в любой отдельный момент» [Там же, с. 50]. Соглашается с этой позицией и Н. И. Кузнецова [7]. Да и кто бы спорил. Диалектический материализм значительно ранее не только сформулировал, но и взял на эпистемологическое вооружение принцип историзма, который представляет собой отражение развития материальных систем преимущественно в плане одной из существенных характеристик этого процесса - его направленности во времени в виде целостного, неразрывного единства таких состояний, как прошлое, настоящее и будущее.

Похоже, что П. Фейерабенд решил перечитать К. Маркса и В. И. Ленина и именно на этой, диалектико-материалистической, основе строить критику рационалистической методологии (о влиянии работ К. Маркса и В. И. Ленина на П. Фейерабенда см. работу И. Т. Касавина) [5]. Раскрыв суть принципа историзма, он переходит к принципу развития и критикует своих оппонентов за то, что они сравнивают различные утверждения «без обращения к их истории и без учёта того обстоятельства, что они могут относиться к различным пластам истории» [11, с. 146]. И далее, говоря о предполагаемой застывленности, статичности методологов-рационалистов, Фейерабенд заключает: «Такой образ действий имеет смысл лишь в том случае, если мы допускаем, что элементы нашего познания - теории, наблюдения, принципы рассуждения - являются вневременными сущностями, которые все в равной степени совершенны, в равной степени доступны и связаны друг с другом независимо от событий, породивших их» [Там же].

«Возможно всё» с точки зрения П. Фейерабенда - это, в том числе, и опора на различного рода трюки, особенно в период зарождения нового: «Аргументация способна задержать развитие науки, в то время как хитрость необходима для её прогресса» [Там же, с. 196]. Относится ли этот лозунг собственно к научной методологии? Скорее всего, нет. Это вспомогательная сторона деятельности исследователя-новатора. Но без хитрости, мимикрии и прочих эволюционных уловок вновь зародившееся было бы обречено на съедение предшествующими, уже хорошо освоившимися на поле жизни, формами. Сам П. Фейерабенд приводит

достаточное количество примеров хитростей, которыми пользовался Г. Галилей для утверждения новой науки, нового способа познания мира. XX век тоже дал немало такого рода примеров. Достаточно вспомнить становление генетики и кибернетики в Советском Союзе.

Но «возможно всё» - это не только «хитрости» и «трюкачества». «Возможно всё» - это ещё и заблуждения учёных, которые вышли за пределы собственного предмета исследования, «захватив» с собой и предметную методологию, необоснованно манипулируя ей совершенно в других областях познания.

Однако П. Фейерабенд настаивает на том, что эти внешние уловки принадлежат собственно арсеналу науки. Вот как он строит свои рассуждения: «Рассматривая внутреннюю историю коперниканства, мы отмечаем рост содержания (наблюдения Галилея) и поэтому видим соответствие принципам новой профессиональной идеологии. Однако, добавляя к нашей информации внешнюю историю или, как выражается сам Лакатос, «психологию толпы», мы замечаем, что согласие «внутри» науки есть результат многочисленных нарушений «вне» её, и осознаём, что эти нарушения были необходимы для перехода от S' к S'' и что, следовательно, они принадлежат самой науке, а не какой-то другой области» [Там же, с. 213]. S' и S'' представляют собой две ситуации, исторические состояния, в которых находится наука, например, в момент своего зарождения и спустя какой-то временной интервал.

Следует отметить, что дискуссия о включении влияния «внешних» факторов в канву научной эпистемологии до сих пор не завершена. Интерналисты продолжают настаивать на том, что социальные, экономические, политические и прочие условия могут лишь ускорять или тормозить развитие науки, но не оказывают никакого воздействия на структуру знания и методологию научного исследования. В свою очередь экстерналисты объясняют развитие науки через связь с развитием производства, экономики и пр.

Диалектический материализм в этом вопросе категоричен. С. Р. Микулинский констатирует: «Таким образом, наука социальна по своей природе, и её социальные характеристики не являются внешними по отношению к ней, а внутренне присущи науке» [8, с. 64].

Б. С. Грязнов, сравнивая позиции экстернализма и интернализма, отмечает: «Не оспаривая разумность различия экстерналистских и интерналистских концепций, я сомневаюсь, что они являются альтернативными решениями одной и той же проблемы. К сожалению, многими исследователями, как правило, не осознаётся то обстоятельство, что интерналистская и экстерналистская концепции суть разные теории о разных объектах. Создаётся впечатление, что речь идёт о различных подходах в рамках одной и той же проблемы. Для меня это различие связано с существованием двух различных теоретических построений относительно различных объектов исследования. Экстерналистская концепция исследует науку как социальный институт, как один из элементов общественной структуры, т.е. это социология науки. Интерналистская имеет дело с научным знанием и его изменениями» [3, с. 140].

Таким образом, признавая вслед за П. Фейерабендом и экстерналистами влияние социальных факторов на науку, следует отказаться от отождествления философии науки и её методологии. Методология науки, в отличие от философии науки, не может быть экстерналистской! Внешний для науки фактор может оказать влияние на изменения в науке, но для этого «внешняя проблема» должна быть преобразована в проблему внутринаучную. И тогда происходящие в науке изменения, индуцированные внешними для неё факторами (социальными), будут результатом решения научных проблем на основе научной методологии.

Тезис третий: исчерпаемость метода. По мнению П. Фейерабенда, «точно так же, как юноши, когда их тело окончательно сформировалось, уже больше почти не растут, так и наука, пока она существует в афоризмах и наблюдениях, может расти и развиваться, но, как только она оказывается систематизированной и подчинённой определённому методу, она, вероятно, может принимать более изящный и ясный вид или же использоваться для практических нужд людей, но уже не может больше развиваться и расти» [11, с. 158]. Совершенно известное и принимаемое большинством естествовников положение. В науке исчерпаемость приёма и даже метода изучения осознали довольно давно, чем, собственно, и были обусловлены интенсивные поиски новых методов. С. Р. Микулинский в этой связи замечает: «Зарождение новых методов исследования почти всегда органически сопряжено с возникновением новых концепций, взглядов и служит как бы точкой перелома линии движения знаний в той или иной отрасли науки - точкой, в которой берёт начало целый веер интенсивного поиска в новых направлениях» [8, с. 34]. Причем в любой отрасли науки можно найти большое количество примеров, подтверждающих эту точку зрения. В географии эпоха великих географических открытий закончилась, исчерпав и метод, на котором эти открытия были сделаны. И, как отмечает в этой связи И. С. Шкловский, сравнивая астрономию с географией, «новых Америк открывать, увя, уже не придётся, и утверждение, что Эверест (а отнюдь не пик Тенериф!) является в современную геологическую эпоху высочайшей вершиной Земли, вряд ли будет поколеблено» [12, с. 200]. В самой астрономии история познания нового также обусловлена динамикой методов и средств (в широком смысле слова): от простейшего оптического телескопа Г. Галилея до современных телескопов, охватывающих почти весь диапазон электромагнитных волн.

Г. Башляр [1], описывая начала некартезианской эпистемологии, вслед за Урбэном (который являлся одним из создателей ряда оригинальных методов в химии) отмечает, что любой научный метод рано или поздно теряет свою первоначальную плодотворность, при этом прогресс оказывается возможным лишь при обращении к разработке новых методов.

Н. Ф. Овчинников, вскрывая процесс появления новых знаний, отмечает: «Научная теория, будучи знанием, выполняет вместе с тем и методологическую функцию. Вот почему коренные изменения в истории науки можно поставить в связь с возникновением новых методов. Связь эта коренится в природе научного

познания, в котором метод органичен содержанию». И далее: «Метод в науке не есть нечто внешнее по отношению к ней, но, скорее, особый поворот научной теории в её применении, в процессе обращения теории к новым объектам исследования» [9, с. 26].

Но следует ли полагать, что исчерпаемость того или иного метода и появление новых методов означают призыв к новой ненаучной методологии, в рамках которой «возможно всё»? П. Фейерабенд, в этой связи, предлагает путь пролиферации.

Тезис четвёртый: пролиферация (размножение) теорий, по мнению Фейерабенда, благотворна для науки, в то время как их искусственное ограничение ослабляет её критическую силу. При этом, если ограничиться лишь критическим потенциалом науки в её противостоянии другим традициям, существующим в обществе, то о необходимости размножения (тем более искусственного) теорий можно и не говорить. Но П. Фейерабенд обеспокоен именно пропагандистским бессилием деятелей науки, их неумением вести аргументированную дискуссию с представителями других традиций, в том числе и обывателями-дилетантами. И в этой связи внутренние «конфликты», «конфликты рациональностей» при противостоянии различных теорий одного и того же круга явлений должны выработать «противоядие» по отношению к интенциям воинствующего антисциентизма. Следует заметить, что в науке фактически всегда сосуществовали различные точки зрения на одно и то же явление, факт, вплоть до решающего эксперимента. Примеров тому много: горячее и холодное начало Вселенной, теплород и МКТ тепла, ОТО А. Эйнштейна и релятивистская теория гравитации А. А. Логунова и т.д. При этом решающий эксперимент склоняет научную общественность к тому или иному решению, но не запрещает за свой бюджет (прежде всего временной, хотя и финансовый тоже) вести альтернативные исследования. Конечно, хорошо бы деятелям науки знать не только положение дел на сегодняшний день и час в своей области по своей проблеме, но и историю вопроса, историю научного направления, историю и методологию науки в целом, но, увы, дифференциация объекта изучения, специализация исследовательской практики являются особенностями именно научного способа познания мира, что, с учётом жёсткой ограниченности во времени, не даёт возможности узкому специалисту вести полномасштабную дискуссию по вопросам, выходящим за рамки его предмета изучения (к этому в значительной степени готовы дилетанты, прочитавшие одну или две популярные книжки, посмотревшие телепередачу или сайт в Интернете). Но узкий специалист готов говорить (спорить) предметно со своим коллегой, таким же узким специалистом в той же области.

Закончить рассмотрение «новой» методологии, предложенной П. Фейерабендом, следует комментарием самого же автора, который во многом объясняет замысел «Очерков анархистской теории познания» и предполагает более внимательное отношение к его собственной методологии: «Может возникнуть впечатление, будто я рекомендую некоторую новую методологию, которая индукцию заменяет контриндукцией и использует множественность теорий, метафизических концепций и волшебных сказок вместо обычной пары теория - наблюдение. Разумеется, такое впечатление совершенно ошибочно. В мои намерения вовсе не входит замена одного множества общих правил другим; скорее я хочу убедить читателя в том, что всякая методология - даже наиболее очевидная - имеет свои пределы» [11, с. 52].

Замечательный вывод, отмечающий все обвинения в адрес П. Фейерабенда по поводу «призыва» к методологическому анархизму.

Многому можно научиться у П. Фейерабенда. Но, думаю, что его «шарлатанские» приёмы являются хорошим примером для всех. Автор осознанно и очень доходчиво продемонстрировал, играя с читателем (и методологами-логиками), до чего можно договориться, отказавшись от однозначных и чётких методологических ориентиров или не установив их. В подтверждение осознанной игры П. Фейерабенда с пацками до модных течений и экстравагантности читателями (быстро переходящими в категорию писателей) приведу ещё одну выдержку: «Данное сочинение представляет собой первую часть книги о рационализме, которую мы хотели написать вместе с Имре Лакатосом. Я должен был нападать на рационалистскую позицию, а Имре - отстаивать и защищать её, парируя мои аргументы... Очевидно, что в настоящем виде книга существенно неполна. В ней отсутствует наиболее важная часть - ответ человека, которому она адресована» [Там же, с. 17]. В заключение Фейерабенд делает ещё одну попытку растолковать свою авторскую и педагогическую позицию: «Существенной частью общего образования такого рода будет знакомство с наиболее выдающимися пропагандистами в самых разных областях, с тем чтобы ученик мог выработать в себе стойкость по отношению ко всем видам пропаганды, включая пропаганду, называемую «аргументацией»» [Там же, с. 311]. И именно в этой связи П. Фейерабенда следует считать анархистом в изначальном классическом (философском, а не обыденно-политическом, уличном) смысле слова, т.е. человеком, ответственным за все события, происходящие в жизни страны, научном и околонучном сообществе, за принимаемые решения и за свои деяния.

И в этой связи уже совершенно иначе читается лозунг П. Фейерабенда - «допустимо всё». Говоря «всё возможно», Фейерабенд предупреждает, что возможно всё: обман, лицемерие, невежество, тоталитаризм и т.п. А особенно опасны - дилетанты! Воинствующие дилетанты! Так как именно они принимают окончательные решения в демократических обществах. Они плетятся (как писатели) с невероятной скоростью и уже без оглядки пылко и самоуверенно воздействуют на обывателей, которые значительно больше доверяют эмоциям, а не разуму. «Специалисты и неспециалисты, профессионалы и любители, поборники истины и лжецы - все участвуют в этом соревновании и вносят свой вклад в обогащение нашей культуры» [Там же, с. 50] - вот о чём в значительно большей степени переживает П. Фейерабенд, а не собственно о научной методологии, в ней, скорее всего, всё в порядке. И Фейерабенд уточняет: «Поэтому задача учёного состоит не в том, чтобы «искать истину» или «восхвалять Бога», «систематизировать наблюдения» или «улучшать предсказания». Всё это побочные эффекты той деятельности, на которую должно главным образом быть направлено его

внимание и которая состоит в том, чтобы «делать слабое более сильным», как говорили софисты, и благодаря этому поддерживать движение целого» [Там же]. И далее, уже совершенно откровенно о том, что его (вместе с Лакатосом) беспокоит: «Безграмотные, серые книги наводняют рынок, пустая болтовня, уснащенная необычными и непонятными терминами, претендует на выражение глубоких идей, «специалисты», лишённые разума, характера и даже крохотной доли интеллектуального, художественного, эмоционального темперамента, рассказывают нам о нашем «положении» и о средствах его улучшения, причем они поучают не только нас - тех, кто способен обойтись без них, - в их руках находятся наши дети, которым они могут навязывать собственное интеллектуальное убожество. Опираясь на систему поощрений и наказаний, «учителя» обрабатывают умы молодёжи до тех пор, пока молодёжь не потеряет даже те крохи воображения, которыми она, может быть, обладала. Это печальное положение нелегко исправить» [Там же, с. 219]. Мракобесы наступают. И это беспокойство П. Фейерабенда созвучно сегодня всем тем, кто пытается противостоять беспредельному методологическому релятивизму «современной» постнеклассической науки, её воинственной «междисциплинарности» по наитию и «ревизии основ» по безграмотности.

Список литературы

1. Башляр Г. Новый рационализм. М.: Прогресс, 1987. 376 с.
2. Богатырева Е. А. Завершен ли «проект» постмодерна? // Вопросы философии. 2009. № 8. С. 56-65.
3. Грязнов Б. С. Логика и рациональность // На пути к теории научного знания. М.: Наука, 1984. С. 140.
4. Деннет Д. Постмодернизм и истина: почему нам важно понимать это правильно // Вопросы философии. 2001. № 8. С. 93-100.
5. Касавин И. Т. Теория познания в плену анархии: крит. анализ новейших тенденций в буржуаз. философии науки. М.: Политиздат, 1987. 191 с.
6. Кнабе Г. С. Строгость науки и безбрежность жизни // Вопросы философии. 2001. № 8. С. 113-124.
7. Кузнецова Н. И. Трудности логического анализа истории научных знаний // На пути к теории научного знания. М.: Наука, 1984. С. 149-174.
8. Микулинский С. Р. Очерки развития историко-научной мысли. М.: Наука, 1988. С. 64.
9. Овчинников Н. Ф. Ступени рефлексии: от мифа к науке // На пути к теории научного знания. М.: Наука, 1984. С. 26.
10. Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Вопросы философии. 2003. № 3. С. 39.
11. Фейерабэнд П. Против метода: очерк анархистской теории познания. М.: АСТ; АСТ Москва; Хранитель, 2007. С. 13.
12. Шкловский И. С. Проблемы современной астрофизики. М.: Наука, 1982. С. 200.

PAUL FEYERABEND'S "AGAINST METHOD" AS THE WARNING THAT "EVERYTHING IS POSSIBLE"

Vladimir Il'ich Zhilin, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Omsk State Pedagogical University (Branch) in Tara
ZhilinVI@yandex.ru

In the article the view on Paul Feyerabend's work "Against Method" is presented which is somewhat different for a Russian reader. The author aberrates from the traditional reproaches on Paul Feyerabend concerning gnosiological anarchism and actualizes other interpretation of "everything is possible" connected with dilettantism which gains ground under the colours of post-non-classic science "fundamentals inspection" and "interdisciplinary character".

Key words and phrases: post-modernism; gnosiological relativism; methodology.

УДК 314(470.5)+94(470.5)

Статья посвящена рассмотрению основных направлений подготовки переписи 1937 г. в уральских городах, ее проведению, отношению к ней горожан, судьбе уральских статистиков, принявших участие в переписи.

Ключевые слова и фразы: историческая демография; городское население Урала; перепись населения 1937 г.; репрессии.

Вера Анатольевна Журавлева

*Кафедра социально-правовых и гуманитарных наук
Южно-Уральский государственный университет
zhuravlvera@yandex.ru*

**ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1937 ГОДА
В УРАЛЬСКИХ ГОРОДАХ[©]**

В условиях утвердившейся в СССР планово-распределительной экономики демографические данные приобрели особое значение. Они были необходимы для прогнозирования населения, выработки различных социально-экономических планов и программ. Первая Всесоюзная перепись населения состоялась в 1926 г.